Русская женщина

Блокада... От одного слова поеживаешься как от нестерпимо холодного озноба. Два слова: блокада и голод, а между ними – жизнь и смерть. Смерть заглядывала в каждую квартиру, но были и такие, из которых ее гнали метлой и тогда она пробиралась к тем, где жизнь едва теплилась, и проникнув, тихонько ждала. «Она» была рядом, и приходилось бороться не только с врагом, но и с нею, выхватывая для жизни дни, часы и даже минуты. Она была жестока. Побеждали духом, долгом, отчаянной заботой о детях. Откуда прибывали резервные силы? Изможденное тело выдавало «на-гора» последнее. Вставали и шли через «не могу» на работу, к станку, как моя мама, которая работала револьверщицей, внося вклад в Победу над фашизмом. Все для фронта! Но была у нее и я. Это удваивало ее силы и энергию. Долг перед Родиной и материнский стимул. Надо выжить!

Я многого не понимала, мне было десять. Объявление вероломной войны я не осознавала, понимала, что это плохо, но насколько? От взрослых тревога стала проникать и в душу ко мне. Как ребенок, образно я могла сравнить это с приближением грозы в летний день, когда вокруг становится вдруг темно и зловеще сверкает молния. Ощущение войны пришло позже, когда я стала слышать отдаленный грохот орудийной стрельбы, сирены воздушной тревоги, гул самолетов и разрывы бомб. Бомбоубежища близко не было, я сидела дома одна, когда мама была на работе. По ее наказу я не выходила из квартиры. Страха сначала не было, но понемногу он начал вселяться в детскую душу, когда выпал снег и пришли морозы, когда мама после работы отоваривала хлебные карточки и еды не хватало. Моя мама, божественная женщина, с грустной любовью смотрела мне в глаза, гладя по голове, вздыхала и тихонько говорила: «Все будет хорошо, война кончится».

Мама была мудрой. Познавшая первую мировую и гражданскую войны, она с первых дней объявления Великой Отечественной начала сушить сухари. Она знала, что такое лихо. Это спасло нас, и не только. К нам приходила 12-летняя племянница мамы и ей выделялась горсть сухариков.

Когда не было электричества, замерз водопровод, мама приносила бидон воды, которой хватало лишь на чай и горячую похлебку из сухариков. Шли самые тяжелые месяцы блокады – с декабря 1941 по март 1942 гг. Что такое жить без воды и канализации, нужно познать на себе. А кто не понимает, спросите у тех, кому под девяносто и более, оставшихся в одиночестве в своих обветшалых домах, которых не коснулась цивилизация, и кто, как в блокаду, с огромным трудом добывает себе воду, таская ее ведрами из колонок и колодцев, и так же с трудом обогревает свои жилища с помощью печек.

Морозы стояли крепкие, холод проникал в квартиры и вместе с голодом совершал свое коварное дело, как бы в сговоре со смертью. Но мы боролись. Буржуйка както грела и давала горячую пищу. А иногда мы с соседями по квартире протапливали на кухне плиту по очереди и грелись, как на лежанке, - я и две соседские девочки. В это самое тяжелейшее время даже страх притупился. Я сидела дома одна, смотрела в окно, если через замерзшие стекла можно было что-нибудь увидеть, и ждала маму. Мама – это была сама жизнь. Часы отбивали час за часом, я жила сама в себе – в мыслях, в мечтах, в надежде, и ждала. Когда приходила мама, становилось хорошо, уютно, спокойно. В этой маленькой, худенькой женщине таилась огромная сила. И я живу, благодаря героическому

подвигу моей мамы. Мама дала мне жизнь. И она сохранила ее в блокаду, меньше всего заботясь о своей собственной.

Именно благодаря таким мамам мы, дети блокадного Ленинграда, выжили в страшной войне. Русская женщина в годину лихолетья, в тяжелейших испытаниях, особенно, когда дело касалось детей, в мужестве не уступала мужчине, и даже превосходила его. Она на равных ковала Победу и сохраняла будущее. Предназначение женщины – материнство – это от Бога.

Того поколения уже нет. Память о нем – в их детях, в нас. Но и мы только сейчас, с возрастом, осознаем героическую высоту великого поколения наших мам.